

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ИСКУССТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО «ПОВОРОТА»

В. Л. Алиханова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2019 г.

Аннотация: *в статье рассматривается феномен трансформации ценностей в искусстве в контексте цифрового культурного «поворота», в частности, делается акцент на проблеме массовизации современного искусства.*

Ключевые слова: *искусство, ценности, культурный «поворот», массовизация, цифровые исследования.*

Abstract: *the article deals with the phenomenon of the transformation of values in art in the context of digital cultural «turn», in particular, focuses on the problem of mass character of modern art.*

Key words: *art, values, cultural «turn», massization, digital research.*

Проблема ценностей в искусстве занимает чрезвычайно важное место в культурологическом дискурсе. Важным аспектом при изучении ценностей в современности является влияние технических новшеств как на материальную, так и на духовную культуру. Средства воспроизводства, хранения и передачи информации меняются так быстро, что человеческий мозг не всегда способен быстро перестроиться под эти новшества, и общество оказывается в ситуации, когда какая-то его часть попросту не поспевает «идти в ногу» с прогрессом. Другая же часть социума, быстро овладевая всевозможными гаджетами, ноу-хау и т. д., становится носителем новых культурных кодов: меняются способы их общения, интересы, увлечения, процессы обучения. Таким образом, образуется определенный культурный разрыв между указанными социальными группами.

Это довольно новая проблема, поскольку ранее такого рода разрыв мог быть обозначен как проблема «отцов и детей». Но сегодня степень приобщенности к современной культуре и основным трендам современности определяется не возрастом, социальным опытом и даже не образованием, а лишь умением грамотно использовать гаджеты и поисковые системы. Это усиливает раздробленность, «мозаичность» социальной структуры, поскольку образуются новые лакуны, разделяющие социальные слои. При этом более молодому поколению, наиболее полно включенному в систему сетевой коммуникации, могут угрожать опасности, отмеченные С. С. Православским, хотя и старшее поколение, будучи неопытным в информационном поле не застраховано от таковых последствий: «Имплицитная опасность такого “поворота” процессов социальной коммуникации состоит в том, что использование различными агентами легитимации (тех или иных социально-политических сил) возросшего по-

тенциала современных информационных технологий может приводить к масштабным деформациям коммуникации и к общественным потрясениям. Интеграция большей части общества в сетевое информационное пространство делает запуск масштабных социально-инструментальных проектов посредством трансформации информационных потоков виртуального пространства значительно более легким» [1, с. 107].

Кроме того, умение обладать указанными навыками и постоянно их использовать не может быть оценено однозначно позитивно. Таким образом, образуется определенная дилемма: остаться человеком «старого формата» и не допустить изменений в сознании и физиологии, результат которых до сих пор неясен, или же рискнуть, отдаться перспективе всего нового и отказаться от всего привычного и прошлого. Следовательно, проблема цифрового поворота имеет и важное этическое измерение, связанное с вопросом свободы выбора. Причем поле этой свободы будет всё больше сокращаться, поскольку экономические реалии будут всё больше требовать вовлеченности в цифровую среду.

Оказывают ли все эти факторы влияние на систему ценностей? Меняются ли у нас способы исследования ценностей в данных условиях? Ряд исследователей дает положительный ответ на этот вопрос. Например, Е. Н. Шапинская в статье «Культура в эпоху “цифры”: трансформация культурных форм и эстетических ценностей» пишет: «С одной стороны, идет активный процесс оцифровки самых различных текстов и памятников культуры, с другой – невероятная информационная избыточность затрудняет процесс встраивания памятников наследия в систему ценностей человека и общества, выработки бережного отношения к наследию, воспитания чувства гордости за те тексты и памятники, которые принадлежат отечественной и мировой культуре в целом и ее отдельным регионам» [2]. Иначе говоря, шедевры мировой культуры становятся в один ряд с более яркими, пусть и не имеющими глубокого смысла произведениями массовой культуры. И, как показывает практика, классические произведения элитарной культуры проигрывают конкуренцию массовой культуре, что видно из анализа запросов поисковых систем. Мало того, происходят массивная деградация произведений элитарной культуры и выхолащивание исходных смыслов. Мы имеем дело с появлением мифов о том или ином произведении искусства, которые тиражируются медиа, что приводит к своего рода «забвению культуры». Как отмечает Е. Н. Шапинская, «анализируя судьбу классической музыки в эпоху массовой культуры и тотальной медиатизации, становится ясным, что в процессе трансформации классического музыкального текста, требующего подготовки для его полноценного восприятия, в развлечение сдвиг эстетических ценностей неизбежен, поскольку способность массовой культуры к присвоению любого культурного материала и перекаривания его на свой лад поистине безгранична» [там же].

Кроме того, меняется сама суть художественного произведения. Во-первых, изменяется способ его создания (компьютерные программы могут писать музыку и стихи, притом на довольно высоком уровне, жи-

вотные пишут картины и т. д.), что означает потерю человеком исключительного права на творчество, теперь не только он может являться творцом. Во-вторых, меняется способ воспроизводства произведения искусства и его тиражирования. «При механическом воспроизводстве искусство рассеивается, превращаясь во множество копий, что означает потерю аутентичности как меры ценности или даже как значимого понятия в искусстве» [3]. В-третьих, размывается понимание того, что можно называть произведением искусства и как отличить его от подделки. Если любой – и человек, независимо от его способностей, а также машина, – имеет право заниматься искусством и с легкостью распространять произведения через медиа-каналы, – то всё ли из этого можно назвать художественным произведением и не подрывает ли это сути самого искусства, его ценности?

Перед современной наукой вновь встает проблема виртуальной реальности, однако при применении этого понятия к искусству она приобретает несколько иной оттенок. Как мы сказали ранее, произведения искусства активно оцифровываются, это касается практически всех их видов: книг, произведений изобразительного искусства, музыки и т. д. Библиотеки быстрыми темпами оцифровывают свои фонды, и теперь практически каждая крупная библиотека имеет цифровые материалы, будь то газеты, журналы, книги или редкие издания, выпущенные два столетия назад. Способ их существования меняется на цифровой, теперь они доступны по ссылке каждому пользователю интернета, который может познакомиться с ними, не переступая порога библиотеки. Произведения изобразительного искусства штампуются на одежде, посуде, канцелярских принадлежностях, сувенирах и т. п. Ведущие музеи мира создают виртуальные экскурсии по своим залам, оцифровывают экспонаты, делают их виртуальные модели и т. д. Каждый человек, имеющий выход в глобальную сеть, может увидеть произведения мировой живописи и скульптуры любого музея мира, обладающие виртуальными фондами, не покидая своего дома. На экранах некоторых кинотеатров можно увидеть спектакли ведущих театров Европы в режиме прямой трансляции. Музыкальные произведения активно переносятся на цифровые носители, например, с грампластинок, при этом существенно меняются особенности их звучания. В результате всех этих трансформаций получается продукт, уже не обладающий теми характеристиками, которыми обладал оригинал. «Техногенная среда, которая сегодня становится тотальным пространством культуры, буквально отцифровывает искусство, переводит его, наряду с научным и любым другим знанием, в ранг информации (иной по отношению к своему генезису формы существования, довольно зависимой от условий и характера своего использования)», – замечают исследователи [4]. Теряется ли первоначальный смысл, вложенный автором классического произведения, когда оно проходит этот сложный путь в виртуальное измерение своего существования? А возможно, это уже совершенно новое произведение, а оцифровка – это тоже своеобразный творческий процесс?

Мы считаем, что в результате массовизации произведения искусства, наблюдаемой в эпоху Постмодерна, создается уже принципиально новое произведение, которое несет совершенно иной культурный код, нежели оригинальное произведение. Печать произведений Ван Гога и Моне на футболках, кроссовках и сумках – это, можно сказать, симулякры, копии, которые образовались после того, как из произведений искусства «извлекли» смысл и «пустили в массь». Это не интерпретация, не переосмысление, а именно изменение, разлом первоначальных смыслов.

Искусство – это своеобразный способ освоения действительности, определенная картина мира, несущая собственные ценности и онтологические смыслы. При преломлении искусства сквозь призму «массовости» происходит коренная трансформация этих ценностей. Это уже не «искусство ради искусства», не нечто уникальное, единичное и неповторимое, коим всегда являлось подлинное искусство, а это некие тренды, которые тиражируются с невероятной скоростью и отличаются своей похожестью. Искусство становится модно, популярно, массово, превращается в поп-культуру, предмет шоу-бизнеса, коммерциализируется. Начинает бытовать убеждение, что носить майку со «Звездной ночью» Ван Гога или пить кофе из кружки с изображением «Девушки с зонтиком» Моне – это признак образованности, высокого вкуса и утонченности натуры. Это становится модно, актуально и современно. Человек хочет казаться эстетом, «потребляя» таким необычным образом произведения искусства, вернее, то, что от него остается. «Произведение современного искусства, как и любой культурный продукт, интегрированное в сети массового пользователя, неизбежно становится его субпродуктом и во многом определяется возможностями и способностями конкретного пользователя считывать предъявляемую ему информацию, распаковывать ее содержимое и присваивать его себе на правах собственного события», – справедливо отмечает Е. Д. Богатырева [там же].

Как оценивать это явление? С одной стороны, это положительно сказывается на популяризации искусства – о нем начинают говорить, его видят, его обсуждают, о нем читают и пишут. Стремление обладать свитшотом с изображением «Мадонны» Рафаэля в погоне за модой, возможно, подвигнет кого-то к изучению творчества «Титанов Возрождения» или хотя бы заставит определить, какое именно произведение он носит на одежде. С другой же стороны, массовизация, несомненно, несет негативные последствия, так как это «обедняет искусство» – утрачивается его сакральность, неповторимость, индивидуальность. «Развитие средств технического воспроизводства во многом лишило искусство ауры тайны и зафиксировало взгляд на его «форму», которая начала рассматриваться в контексте «материальных» условий ее производства» [там же]. Произведение искусства в таком виде уже не несет первоначального смысла, акцент смещается от глубинных проблем к визуализации, что, в конечном счете, превращает искусство в шоу. А искусство ли это вообще? Этот вопрос пока остается открытым.

В современной науке ведутся оживленные дискуссии на этот счет, и однозначного ответа быть не может, поскольку постмодерн в принципе не дает возможности ответить на эти вопросы однозначно, ввиду того что искусство постмодерна не опирается ни на какие ценности, не ищет единственную истину. В этом контексте каждый – творец, и каждый прав и не прав одновременно. Это, в свою очередь, означает, что мы вновь приходим к некоему обесцениванию творца, не способны отличить подлинное творчество от репродукции, что сущностно определяет искусство, поскольку всякое произведение искусства должно быть уникальным. Возможность же тиражированного плагиата по сути разрушает социокультурную нишу искусства. Данное понятие вводит А. С. Кравец и обозначает его так: «Социокультурная ниша... будет представлять собой определенное социальное пространство, заполненное социальными институтами и соответствующими (социальными, экономическими, политическими, идеологическими и т. д.) связями, в границах которого только и может развиваться определенный вид культуры. Другими словами, в социокультурную нишу входит необходимая для данного вида культуры совокупность материальных и духовных условий» [5, с. 5].

И, наконец, меняется способ восприятия этого искусства, оно становится таким же продуктом потребления, как любой товар. Однако такой подход к искусству умаляет его классическое предназначение: «Подлинная польза искусства состоит в том, что это особая деятельность человеческого духа, имеющая свою собственную область действия и удовлетворяющая особым потребностям человека» [6, с. 337].

Культурные «повороты», носящие ценностный характер, в свою очередь, способствуют изменению взглядов на ценности и методологии их изучения. Подобно тому, как, в зависимости от степени теоретической подготовленности, люди по-разному изучают и воспринимают физический мир, в контексте культурных «поворотов» изменяются видение и отношение к миру культуры. Отношение к истине, семье, иерархиям ценностей, значительно изменяется в рамках культурных «поворотов». Однако именно в искусстве и связанных с ним науках подобного рода трансформации ощущаются особенно остро. Так, визуальный «поворот» привел к тому, что на смену теоретическим рассуждениям и абстракциям пришло желание видеть и созерцать некую образную предметность, что привело к изменению методологии изучения артефактов, а также увеличению популярности таких видов искусства, как перформанс, например. Не стал исключением и цифровой «поворот», открывший перспективы компьютерного моделирования произведений искусства, использования технических средств при его анализе. Особенно следует отметить попытки при помощи техники и медиа «осовременить» и растиражировать произведения элитарной культуры в более доступной форме. Это, с одной стороны, увеличивает их популярность, но с другой – лишает статуса элитарности, глубины содержания, необходимости работы над собой для их усвоения. Поэтому однозначной оценки данного феномена

на сегодняшний день дать невозможно. Так, песни на тексты И. А. Бродского дают возможность знакомства молодежи с его произведениями, но значительно упрощают его, снижают его роль в культуре, а манера исполнения снижает возможность собственной интерпретации текста.

Медийность и чрезмерная открытость миру, продиктованные цифровым «поворотом», разрушают привычные иерархии и границы. Уходят в прошлое понятия частного и приватного для человека, большую часть времени находящегося в интернете. Приватная сфера фактически слилась с публичной, причем, чем более знаменит человек, тем более узка сфера его приватности, поскольку, помимо собственных социальных сетей и медиа, он становится мишенью СМИ, известных блогеров, просто рядовых субъектов поля интернета. Смещение границ частного и приватного приводит к росту числа неврозов, психологических проблем, которые также выплескиваются через социальные сети, увеличивая социальное напряжение. Один негативно, деструктивно ориентированный субъект способен «заразить» своим негативом от нескольких сотен до нескольких миллионов человек. Таким образом, искусство и его оценка попадают в зависимость не от профессионалов, а от дилетантов, оценка которых будет основана не на знаниях и научных критериях, а на личном опыте, а то и просто на настроении.

Образуетя многослойная, многообразная публика, использующая одни социальные сети, и потому подверженная массовым манипуляциям, массовому заражению.

Это положение дел характерно для различных общественных сфер и практик. Как пишет В. И. Добреньков: «В современном мире нам говорят, что кризис нам угрожает со всех сторон. В социологии в наше время доминирует разговор о кризисе. Отдельные западные общества тем временем сталкиваются с “накопленным кризисом”, “кризисом легитимности”, и, что еще хуже, с “кризисом кризисного менеджмента”» [7, с. 200].

Таким образом, человек в попытке найти ответы о кризисе, обращаясь к науке или искусству за способами преодоления кризиса, способом жить в непростые времена, опять-таки сталкивается с избытком кризисов, даже в области методологии преодоления кризисов. Это, в свою очередь, порождает разочарование в культуре и негативное отношение к ней, что может привести к деструктивным формам поведения и личностной и социальной деградации, как отдельно личности, так и общества в целом. Примером такого разочарования может служить Россия в 90-е гг. XX в. В тот период наиболее популярными стали контркультурные формы искусства, не способные транслировать позитивные ценностные установки, да и не стремящиеся к этому.

В таких условиях понижается авторитет экспертов и их мнений. В самом деле, какой смысл доверять экспертам, которые, в лучшем случае, предлагают общие и зачастую устаревшие методы решения проблем, а в худшем – просто констатируют наличие кризисов и говорят об общих тенденциях? Складывается парадоксальная ситуация: при всей публичности и медийности современного человека он оказывается в пол-

ном одиночестве перед лицом настоящих проблем, не имея возможности найти методов и способов их решения. Кроме того, мы можем отметить и у экспертов уже ставшее классическим бегство от свободы, поскольку нести ответственность за конечный результат в условиях неопределенности слишком рискованно.

Таким образом, происходят смешение и обесценивание иерархических структур, долгое время выступавших в качестве определенного «фундамента» культуры. Крушение авторитетов и иерархий, по сути дела, разрушившее сам смысл определенного смысла «рейтингов», стало проблемой для старшего поколения, привыкшего жить в жестко структурированном и определенном мире, с четкой локализацией высокого и низкого, доброго и злого. Значимый вклад в крушение иерархий внесла культура постмодерна и развитие повседневности.

Массовизация элитарной культуры и, напротив, стремление культуры массовой казаться более элитарной привели к фактическому крушению границ между ними, и их деконструкции. Неприятие новых, постмодернических трактовок классических театральных пьес и наличие доступной, но при этом не слишком опошленной массовой культуры привели к некоему переломному состоянию в культуре и искусстве, следствием чего стало значимое изменение ценностных ориентиров молодежи. В ходе цифрового «поворота» и легкости распространения массовой культуры через масс-медиа, значительно возросла потребность в четкой дефиниции категории «массовизация».

Г. Ю. Чернов описывает ключевые тенденции в изучении массовизации следующим образом: «Итак, в широком смысле, массовизация есть трансформация немассовой (основанной на примате творческо-альтруистических элитарных ценностей, на вертикальной мобильности, восхождении к элитарному) антропо-социокультурной системы и ее элементов (культуры – общества – человека) к их массовому, внутренне-гомогенному состоянию. В узком смысле под массовизацией можно понимать массовизирующую социализацию, в ходе которой потенциальный социокультурный субъект – человек – формируется как существо односторонне миметическое, ориентированное не на индивидуализацию, экзистенцию и творчество, а на соответствие ценностно-телеологической модели «большинства» (в современных условиях часто фабрикуемой и навязываемой через СМИ циничными квазиэлитами)» [6]. Такая специализация весьма специфична, что вносит в культурологический дискурс еще ряд понятий, требующих нового осмысления и новой методологии. Эта тенденция отражает эпистемологический аспект цифрового «поворота»: производимые в его рамках изменения столь стремительны и непостоянны, что фактически не остается должного количества времени для философского осмысления и подведения итогов произошедших изменений. Коммуникация ускоряется не только в самом социальном мире, но и внутри научного сообщества, запрос на оперативное осмысление трансформаций социальной реальности способен привести к конфликтам между представителями различных дисциплин. Поэтому одной из

ключевых задач культурологии в эпоху нового, цифрового культурного «поворота» является не только, а пожалуй, даже не столько само осмысление трансформаций, сколько предоставление площадки для плодотворного диалога наук и синтеза полученных результатов в полноценную теорию, которая, отвечая реалиям времени, не должна быть застывшей. Напротив, сегодня от культурологических теорий требуется способность изменяться, чутко реагируя на любые социальные трансформации.

Таким образом, цифровой культурный «поворот» принес с собой не только значительные методологические трансформации, но и изменения в рамках самой социальной реальности. Описанные изменения свидетельствуют об индетерминационном разрыве между до-цифровой и цифровой эпохой. Мы наблюдаем прямую связь между изменениями, происходящими в контексте «поворота», и ценностными трансформациями.

Литература

1. *Православский С. С.* Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе / С. С. Православский // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 105–110.

2. *Шапинская Е. Н.* Культура в эпоху «Цифры» [Электронный ресурс] : культурные смыслы и эстетические ценности / Е. Н. Шапинская // Культура культуры. – 2015. – № 3 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-v-epoxy-tsifry-kulturnye-smysly-i-esteticheskie-tsennosti> (дата обращения: 14.01.2019).

3. *Чернов Г. Ю.* Понятие массовизации [Электронный ресурс] : антропосоциокультурный подход / Г. Ю. Чернов // Вестник Челябин. гос. ун-та. – 2012. – № 4 (258). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-massovizatsii-antroposotsiokulturnyy-podhod> (дата обращения: 31.01.2019).

4. *Богатырева Е. Д.* Искусство и научно-технический прогресс : контуры взаимосвязи / Е. Д. Богатырева // Вестник Самар. гуманитар. академии. Сер.: Философия. Филология. – 2010. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-i-nauchno-tehnicheskij-progress-kontury-vzaimosvyazi> (дата обращения: 13.10.2019).

5. *Кравец А. С.* Наука как феномен культуры / А. С. Кравец. – Воронеж : Истоки, 1988. – 92 с.

6. *Симонова С. А.* Рыцарь красоты : (некоторые аспекты этико-эстетического синтеза в философии Владимира Соловьева) / С. А. Симонова // Вестник Самар. гуманитар. ун-та. – 2008. – № 4 (63). – С. 333–342.

7. *Добреньков В. И.* Глобализация. Сущность, проявления и социальные последствия / В. И. Добреньков. – М. : Академ. проект, 2018.

Воронежский государственный университет

*Алиханова В. Л., аспирант факультета философии и психологии
E-mail: alihanova.veronika@mail.ru*

Voronezh State University

*Alikhanova V. L. Post-graduate Student
of the Philosophy and Psychology Faculty
E-mail: alihanova.veronika@mail.ru*